

I. VERSION

Было утро. Солнце медленно вышло к миру и сквозь бледные облака одело землю в светло-перловые облачения. Они реяли над полями бедно-зелеными, бродили мягкими пятнами.

Аграфена, возвращаясь в Кременки, все не могла вспомнить, где, когда было то же. И вдруг на повороте дороги, сразу волшебным манием раскрылась перед ней ее жизнь и предстала светлая заря, семнадцатилетняя, когда на этом месте впервые увидела она синеглазого посетителя ее жизни. Сейчас, немолодой женщиной, подавленной тягостями, она вдруг затрепетала, как от таинственного тока, пришедшего к ней из тех дальних глубин. Волнение ее росло. Задыхаясь, Аграфена остановилась: вдруг показалось ей, что земля под ногами легче, все легче, волны божественного, ослепляющего нисходят навстречу.

Тогда она пала на колени, и внутреннее видение осенило ей душу; вся жизнь явилась ей в одном мгновении; все любви и муки по[д]нялись одинокими ручьями, сразу впадшими в безмерный и божественный океан любви, и данными ей как таинственные прообразы Любви единой и вечной. Из-за знакомых, дорогих когда-то лиц, к душам которых ее душа была прилеплена земной основой, восходя небесной к небу, выплыло новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно.

«Господи, Господи, ты явился мне, ты все у меня взял, вот я нищая перед тобой, но я познала тебя в великой твоей силе. Господи, я вижу твою славу, Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю.»

Весь тот день, весь вечер провела Аграфена в молчании.

Она умылась, надела чистую белую рубашку и легла на ночь, скрестив руки.

Перед зарей закричали петухи. Стало сереть, серебриться, дымно-розовые пятна выступили над садами. Улица была тиха. Спали собаки, куры; пыль в серебре росы лежала на улице толстым слоем.

Тогда сквозь утреннее безмолвие неспавшая Аграфена услышала приближение. Повернув голову, так что стал виден угол переулка, она заметила, что, не поднимая уличной пыли и не будя собак, под молчащими ветлами¹ к ней идет черная фигура. Она ее узнала. И еще ступенью ровнее стало в ее душе. Монахиня приближалась. В руках держала сосуд: «Здравствуй, раба Аграфена». — «Здравствуй». — «Готова ли?» — «Готова». Монахиня ей поклонилась: «Вкуси». Аграфена медленно приподнялась, припала губами к чаше и долго пила. «Слышишь ли мою сладость? Идешь ли?» — «Слышу, — ответил наполовину не ее голос. — Иду».

Монахиня подала ей руку, она взяла ее — медленно-медленно затянулось все туманными завесами, как бы сменились великие картины, бранные на вечные, и чей-то голос сказал: «Вот идет та, которую называли бедным именем Аграфены, вкусить причастие вечной жизни».

Это были последние слова.

Борис Зайцев, *Аграфена*, XXIX—XXX (1908).

Tournez la page S.V.P.

¹ ветла: saule blanc

II. THÈME

Maintenant je suis captif. Mon corps est aux fers dans un cachot, mon esprit est en prison dans une idée. Une horrible, une sanglante, une implacable idée ! Je n'ai plus qu'une pensée, qu'une conviction, qu'une certitude : condamné à mort !

Quoi que je fasse, elle est toujours là, cette pensée infernale, comme un spectre de plomb à mes côtés, seule et jalouse, chassant toute distraction, face à face avec moi misérable, et me secouant de ses deux mains de glace quand je veux détourner la tête ou fermer les yeux. Elle se glisse sous toutes les formes où mon esprit voudrait la fuir, se mêle comme un refrain horrible à toutes les paroles qu'on m'adresse, se colle avec moi aux grilles hideuses de mon cachot ; m'obsède éveillé, épie mon sommeil convulsif, et reparaît dans mes rêves sous la forme d'un couteau.

Victor Hugo, *Le Dernier jour d'un condamné*, (1829).